

An anime-style illustration of a young girl with dark hair in a ponytail, wearing a red dress with a large bow on the back. She is looking out over a landscape with a village, mountains, and falling cherry blossoms under a cloudy sky.

Александр Восьмой

**Сказка: Облака, что
носили чужие мечты**

Александр Восьмой

**Сказка: Облака, что
носили чужие мечты**

«Автор»

2026

Восьмой А.

Сказка: Облака, что носили чужие мечты / А. Восьмой —
«Автор», 2026

Облака, что носили чужие мечты. Девочка Сакура замечает, что облака стали тяжёлыми и серыми — оказывается, они несут в себе чужие мечты, которые люди бросили на полпути. Сакура решает помочь облакам сбросить этот груз, чтобы они снова стали лёгкими. Для этого ей нужно найти тех, чьи мечты были оставлены, и помочь им поверить в себя снова. Сказка о надежде, вторых шансах и о том, что никогда не поздно вернуться к своей мечте.

© Восьмой А., 2026

© Автор, 2026

Александр Восьмой

Сказка: Облака, что носили чужие мечты

Глава 1. «Серые крылья над городом»

Сакура проснулась от странного ощущения — будто воздух в комнате стал густым, как рисовый сироп, и каждое движение давалось чуть тяжелее обычного. Она потянулась, зевнула и подошла к окну.

И замерла.

Небо было не таким, каким оно бывало каждое утро. Не лазурным, не жемчужным, не даже пасмурным в приятной, уютной манере. Оно было *тяжёлым*. Серые облака висели так низко, что казалось, будто они цепляются за шпили домов, за антенны, за острые края черепичных крыш. Они не плыли — они *нависали*, словно ждали момента, чтобы рухнуть всей своей массой на город.

Сакура прищурилась, будто от этого картина могла стать понятнее. Облака были не просто серыми — они были *усталыми*. В их складках читалась тяжесть, в их контурах — усталость тысяч несбывшихся надежд.

Девочка накинула куртку и выскользнула из дома, пока мама ещё гремела посудой на кухне. На улице было непривычно тихо. Обычно в это время город уже гудел: скрип тормозов, голоса, смех, торопливые шаги. Но сегодня город будто затаил дыхание. Люди спешили, опустив головы, глядя только себе под ноги, будто боялись, что если посмотрят вверх — облака упадут прямо на них. Никто не улыбался. Никто не останавливался полюбоваться чем-то красивым. Никто не поднимал головы.

Это было самое странное.

Сакура свернула в парк, где каждое утро её встречала стайка воробьёв, а скамейки уже были заняты бабушками, обсуждавшими новости. Но сегодня скамейки пустовали, а воробьи сидели нахохлившись, будто им было холодно, хотя солнце пыталось пробиться сквозь серую пелену.

В глубине парка, у старой голубятни, стоял смотритель — дедушка Хидэо. Он был таким же привычным элементом парка, как и сами голуби: седой, с морщинами, похожими на карту старых дорог, и взглядом, который, казалось, видел куда дальше, чем позволяли глаза. Он смотрел вверх, и его лицо было не усталым, а *печальным*.

— Дедушка Хидэо, — позвала Сакура, подходя ближе.

Он медленно повернул голову, будто каждое движение стоило ему усилий.

— А, Сакура. Доброе утро... если его можно так назвать.

— Что с небом? Почему оно такое... тяжёлое?

Дедушка вздохнул, и этот вздох прозвучал как шелест сухих листьев.

— Облака стали тяжёлыми, потому что несут чужие мечты, — прошептал он.

Сакура моргнула.

— Что?

— Чужие мечты. Те, что люди бросили на полпути. Те, о которых перестали думать. Те, над которыми посмеялись и сказали: «Это глупо». Облака собирают их. И чем больше забытых мечтаний, тем тяжелее они становятся.

Сакура хотела рассмеяться — это звучало как самая нелепая сказка на свете. Но тут, будто в подтверждение слов дедушки, одно из облаков качнулось, потяжелело, и, скользя по воздуху, едва не задело шпиль старой башни в центре парка.

Из него что-то выпало.

Что-то маленькое, светящееся, похожее на осколок стекла, но только оно не отражало свет — оно *излучало* его. Слабый, дрожащий, бледно-голубой свет, будто внутри пряталась крошечная звезда.

Осколок упал к ногам Сакуры.

Она наклонилась и подняла его.

И в тот же миг в её голове вспыхнул чужой образ.

Мальчик. Лет десяти. Он сидел за столом, разложив перед собой листы бумаги, исчерченные линиями, стрелками, формулами. Он строил летающий велосипед. Он верил, что это возможно. А потом кто-то рассмеялся: «Да ты что, велосипед не летает!» И мальчик сложил чертежи, убрал их в ящик и больше никогда не доставал.

Вспышка длилась всего секунду, но Сакура успела почувствовать всё: и восторг мальчика, когда идея только родилась, и теплоту от мысли, что он сможет летать, и холод, когда смех чужих голосов погасил этот свет.

Осколок в её руке дрожал, как будто хотел что-то сказать.

Сакура сжала его в ладони. Холод металла смешался с теплом её кожи, и на мгновение ей показалось, что осколок перестал вибрировать — он *успокоился*.

Она посмотрела на небо. На облака, которые висели, как серые крылья над городом, готовые рухнуть под тяжестью чужих «я не смогу», «это не для меня», «лучше не пробовать».

И вдруг поняла: если никто не поднимет головы, никто не вспомнит о своих мечтах, облака станут ещё тяжелее. И однажды они действительно упадут.

Сакура подняла глаза на дедушку Хидэо.

— Я помогу им, — сказала она твёрдо, хотя голос чуть дрогнул.

Дедушка улыбнулся — впервые за всё утро.

— Тогда начни с того, кто первым потерял свою мечту. Найди мальчика, который хотел построить летающий велосипед. Помоги ему снова поверить, что это возможно. И тогда один осколок вернётся туда, где ему место — в чьё-то сердце. А облако станет легче.

Сакура кивнула. Она не знала, как это сделать. Не знала, найдёт ли того мальчика. Не знала, поверит ли он ей.

Но она знала одно: нельзя позволить облакам раздавить город. Нельзя позволить мечтам остаться осколками в сером небе.

Она сжала светящийся кусочек в кулаке, повернулась и пошла вперёд, туда, где, по словам дедушки, жил мальчик.

Город всё ещё смотрел себе под ноги.

Но Сакура смотрела вверх.

Глава 2. «Осколок, который шептал»

Дома было тихо. Слишком тихо. Даже часы на кухне тикали будто издалека, словно не хотели нарушать эту странную, натянутую тишину. Сакура закрыла за собой дверь, прислонилась к ней спиной и выдохнула. В кулаке по-прежнему лежал осколок — теперь он не светился ярко, как в парке, а мерцал тускло, будто устал.

И вдруг она услышала шёпот.

Не голос дедушки Хидэо, не мамин голос из кухни, не уличный шум за окном. Это был тихий, дрожащий шёпот, идущий будто изнутри самого осколка: «...если не получится... все будут смеяться...».

Сакура разжала пальцы. Осколок лежал на её ладони, бледно пульсируя, и шептал снова, уже чуть разборчивее: «...наверное, я просто не умею... лучше не пробовать...».

Она вздрогнула. Это были не её мысли. Это были слова того мальчика из вспышки — того, кто хотел построить летающий велосипед. Его страх звучал так отчётливо, будто он стоял прямо перед ней и шептал эти фразы, пряча глаза.

«Это голос его мечты, — подумала Сакура, чувствуя, как по спине пробегает холодок, а потом — тёплая волна решимости. — И пока он так думает, осколок не станет светом. Он останется грузом. И облако будет висеть над городом».

Она осторожно положила осколок на стол, накрыла его стеклянной чашкой — не чтобы спрятать, а чтобы удерживать свет, чтобы он не растерялся в полумраке комнаты. Потом глубоко вдохнула, как перед прыжком в холодную воду, и отправилась расспрашивать соседей.

Сначала она подошла к тётё Мико, которая каждое утро продавала горячие булочки у перекрёстка. Та нахмурилась, вспоминая:

— Летающий велосипед? О, это про Тору. Он раньше всё чертил что-то, линии выводил, мелом на асфальте рисовал траектории. А потом... ну, знаешь, мальчишки посмеялись. Сказали, что он строит воздушные замки. С тех пор он почти не выходит. Только смотрит в окно.

— А где он живёт?

Тётя Мико махнула рукой в сторону соседнего квартала, туда, где дома стояли плотнее, а дворы были уже, будто город сжимал их в объятиях.

Сакура пошла туда, чувствуя, как осколок в кармане тихо вибрирует, будто подталкивает её вперёд.

Дом Тору она узнала сразу: на подоконнике стоял старый игрушечный самолёт, покрытый пылью, а на стекле виднелись едва заметные следы от фломастера — будто кто-то когда-то рисовал там крылья и тут же стирал их тряпкой.

Сакура поднялась по скрипучим ступенькам и постучала.

Дверь приоткрылась лишь на щелочку. В проёме мелькнуло лицо мальчика — серьёзное, насторожённое, будто он заранее знал, что ничего хорошего за дверью не будет.

— Чего надо? — спросил он, не открывая полностью.

— Я про летающий велосипед, — выпалила Сакура, боясь, что если остановится, то струсит. — Я знаю, ты его хотел построить. И я... я хочу тебе помочь.

Тору фыркнул, но не закрыл дверь. Просто замер, будто что-то внутри него боролось с привычным «нет».

— Никто не строит летающие велосипеды. Это глупо.

— Нет, — возразила Сакура твёрдо. — Глупо — это когда ты даже не пробуешь. А ты пробовал. Ты чертил. Ты думал. Значит, это не глупо. Это начало.

Он помолчал. Потом чуть приоткрыл дверь.

— Ты странная.

— Зато я смотрю вверх, — улыбнулась Сакура. — А все остальные смотрят под ноги.

Тору вздохнул, будто сдаваясь, и отошёл от двери.

— Ладно. Заходи. Но я ничего не обещаю.

В комнате было полутемно, шторы задвинуты, но на столе лежали старые листы бумаги, пожелтевшие по краям. Сакура заметила их сразу.

— Это твои чертежи? — спросила она, не дожидаясь разрешения.

Тору пожал плечами, но в его глазах мелькнуло что-то — то ли стыд, то ли гордость, которую он давно прятал.

— Да. Только они старые. И глупые.

— Они не глупые, — Сакура уже тянулась к листам, но остановилась, посмотрела на Тору. — Можно?

Он снова вздохнул, потом кивнул.

Она аккуратно взяла пожелтевшие листы и развернула их. Линии были тонкими, местами стёртыми, но в них чувствовалась страсть — каждая стрелка, каждый угол были продуманы. Это была мечта, записанная на бумаге.

Как только чертежи оказались развёрнутыми, осколок в кармане Сакуры начал вибрировать. Тихо, потом сильнее, будто отзываясь на прикосновение к мечте.

Тору заметил это.

— Что это у тебя?

Сакура достала осколок. Он светился теперь не бледно, а ярче, пульсируя в такт вибрации.

— Это часть твоей мечты, — сказала она просто. — Она упала с облака. Облака стали тяжёлыми, потому что люди бросают свои мечты. А если ты снова поверишь в неё, осколок станет светом, а облако — легче.

Тору смотрел на светящийся кусочек, потом на свои чертежи, потом снова на Сакуру. В его взгляде что-то менялось — словно пелена, которую он носил годами, чуть сдвинулась.

— Ты правда так думаешь? — спросил он тихо, почти шёпотом, будто боялся, что если скажет громче, кто-то снова засмеётся.

— Правда, — ответила Сакура, глядя ему прямо в глаза. — И я не одна так думаю. Дедушка Хидэо так думает. И небо, кажется, тоже.

Словно в подтверждение её слов, за окном прокатился тихий раскат грома — не грозный, а будто осторожный, как будто небо прислушивалось к тому, что происходит в этой комнате.

Тору медленно протянул руку и коснулся края чертежа. Потом провёл пальцем по линии, которую когда-то вывел с такой уверенностью.

— Я помню, — прошептал он. — Я помню, как думал, что это возможно.

Осколок в руке Сакуры вспыхнул, и на мгновение комната наполнилась мягким голубым светом — таким тихим и тёплым, что даже тени в углах перестали казаться мрачными.

— Тогда давай попробуем снова, — сказала Сакура. — Хоть что-то. Хоть маленький кусочек. Чтобы ты снова почувствовал: это возможно.

Тору посмотрел на неё. И впервые за долгое время в его глазах не было стыда. Там был интерес. И надежда.

— Ладно, — сказал он, чуть улыбнувшись. — Давай начнём с рамы.

За окном небо всё ещё было серым. Но где-то высоко, в самой середине тяжёлого облака, мелькнул тонкий просвет — как будто одна маленькая мечта уже начала возвращаться туда, где ей место.

Глава 3. «Летающий велосипед: первый взлёт»

Весь день они собирали модель из того, что смогли найти. Сакура притащила из дома старую велосипедную раму — её папа когда-то хотел починить, да так и забросил в кладовку. Тору отыскал в гараже изогнутые алюминиевые трубки, которые, по его словам, «идеально подойдут для каркаса крыльев». Ещё им понадобились куски плотной ткани, верёвки, картонные панели, скотч, гвозди и даже несколько пластиковых бутылок — всё, что могло хоть как-то помочь удержать велосипед в воздухе.

Работа шла не гладко. То и дело что-то не стыковалось: трубки были слишком жёсткими, ткань морщижилась, узлы развязывались, а рама казалась слишком тяжёлой. Но Сакура не давала Тору опустить руки.

— Смотри, — говорила она, когда он в очередной раз хотел всё бросить. — Ты ведь не ждёшь, что птица сразу полетит, когда у неё только-только проклюнулись перья. Ей нужно время. И тебе тоже.

Тору хмурился, но снова брался за дело. В его движениях постепенно появлялась уверенность — та самая, которую он когда-то потерял.

К полудню над их импровизированной мастерской начали собираться зрители. Кто-то выглядывал из окон, кто-то выходил во двор, чтобы посмотреть поближе.

— Что это вы там строите? — спросил мальчишка с третьего этажа, свесившись через перила.

— Летающий велосипед, — спокойно ответила Сакура, будто это была самая обычная вещь на свете.

Мальчишка фыркнул:

— Да он же не полетит!

— А мы не знаем, — возразила Сакура, не поднимая головы. — Но если не попробуем, точно не узнаем.

Кто-то из взрослых покачал головой, кто-то тихо посмеивался. Но были и те, кто просто стоял и смотрел, будто вспоминая что-то своё — то, что когда-то хотелось сделать, но так и не было сделано.

Ближе к закату велосипед был готов. Он выглядел странно: рама, увешанная самодельными крыльями из ткани и картона, стянутая верёвками и скотчем, с пластиковыми бутылками, прикрученными к бокам как балансиры. Он был не красивым — он был *настоящим*. Это была вещь, собранная из упорства и веры в невозможное.

Тору стоял рядом и смотрел на него, будто видел впервые.

— Он тяжёлый, — пробормотал он. — Слишком тяжёлый.

Сакура покачала головой:

— Не тяжелее твоей мечты. А она ведь когда-то казалась тебе лёгкой.

Он слабо улыбнулся.

Они покатали велосипед к небольшому холму на окраине двора — туда, где начинался спуск и где ветер дул чуть сильнее. Солнце уже садилось, окрашивая серые облака в оттенки золота и меди, и казалось, что небо само готовится стать свидетелем чего-то важного.

Соседи снова собрались вокруг. Кто-то продолжал улыбаться скептически, кто-то уже не улыбался вовсе — просто ждал, затаив дыхание.

— Ты будешь крутить педали? — спросила Сакура.

Тору кивнул. Его руки слегка дрожали, но он крепко держался за руль.

— Тогда поехали, — сказала Сакура. — И не смотри вниз. Смотри вперёд.

Она подтолкнула велосипед, и Тору покатился вниз по склону. Сначала медленно, потом быстрее. Ветер ударил в крылья, натянул ткань, и вдруг — на долю секунды — велосипед будто приподнялся, оторвавшись от земли чуть больше, чем должен был. Он не взлетел по-настоящему, но скользнул по воздуху, словно на невидимой волне, и пролетел эти несколько мгновений дольше, чем позволяла обычная физика.

А потом мягко коснулся земли и прокатился ещё немного, пока не остановился.

Тишина повисла над двором. Даже ветер будто замер.

Тору слез с велосипеда и стоял, глядя на него, не веря своим глазам.

— Он... он почти полетел, — прошептал он.

Сакура подошла к нему и улыбнулась:

— Он полетел ровно настолько, насколько ты в это поверил.

В этот момент осколок в кармане Сакуры вспыхнул — не ярко, не ослепительно, а мягко, как светлячок в тёплой летней ночи. Он дрожал, будто радовался, а потом начал растворяться, рассыпаясь на крошечные искры, которые поднялись в воздух и исчезли, слившись с вечерним светом.

И в тот же миг одно из тяжёлых облаков над районом будто выдохнуло. Его края стали светлее, тоньше, и сквозь серую пелену пробился луч заходящего солнца. Облако не исчезло, но стало легче — будто сбросило с себя часть груза.

Сакура подняла голову и увидела этот просвет. Она поняла: это работает. Каждый раз, когда чья-то мечта возвращается к своему хозяину, небо становится чуточку чище.

Люди вокруг тоже заметили перемены. Кто-то удивлённо поднял голову, кто-то замер, будто не веря глазам, а кто-то вдруг тихо прошептал: «Красиво...»

Тору посмотрел на Сакуру, и в его глазах больше не было стыда. Там была гордость — тихая, но настоящая.

— Спасибо, — сказал он просто.

Сакура пожала плечами, будто ничего особенного не произошло:

— Это ты его запустил. Я только не дала тебе опустить руки.

За спиной у них велосипед стоял, слегка покосившись, но всё ещё гордо, как памятник первому шагу к невозможному.

Солнце садилось, небо становилось тёмно-синим, и в этой синеве уже не было прежней тяжести. Где-то далеко, за горизонтом, ждали новые облака и новые мечты, которые нужно было вернуть.

Но сегодня Сакура знала: она на верном пути. И каждый кусочек света, который возвращался в чьё-то сердце, делал мир чуть светлее.

Глава 4. «Город, который забыл мечтать»

Центр города был совсем не похож на тихий квартал, где жили Сакура и Тору. Здесь не было уютных дворов и скамеек в тени деревьев — только высокие здания, будто соревнующиеся, кто дотянется ближе к небу, и бесконечные потоки машин, гудящих, как рассержённые пчёлы. Воздух здесь пах не дождём и свежей листвой, а выхлопными газами и горячим асфальтом.

А небо... Небо здесь было особенно тяжёлым. Серые облака не просто висели — они *давили*. Казалось, они цеплялись за шпили небоскрёбов, словно боялись упасть, но в то же время хотели обрушиться всей своей тяжестью на город. Сакура шла по тротуару, запрокинув голову, и чувствовала, как холод пробирается под куртку — не от ветра, а от этого гнетущего ощущения, будто сама атмосфера здесь разучилась быть лёгкой.

Люди спешили по своим делам, опутив головы, уткнувшись в экраны телефонов, плечом вперёд, будто пытались пробиться сквозь невидимую стену. Никто не смотрел вверх. Никто не останавливался, чтобы полюбоваться чем-то красивым. Даже голуби здесь летали как-то торопливо, без радости, будто знали, что нигде не найдут настоящего покоя.

Сакура свернула в узкий переулок между двумя офисными зданиями. Здесь было чуть тише, и именно тут она заметила его.

Художник стоял у стены заброшенного дома, держа в руках ведро с серой краской и широкую кисть. Он не рисовал — он закрашивал. Аккуратно, методично, слой за слоем, он перекрывал старые граффити, трещины и даже едва заметные узоры, оставленные дождями и ветром. Его движения были точными, почти механическими, будто он давно перестал думать о том, что делает, и просто выполнял привычную работу.

На нём была потрёпанная куртка, испачканная краской всех цветов радуги, хотя сейчас в его палитре остался только серый. Лицо его было усталым, но в глазах ещё тлела искра — та самая, которую Сакура научилась замечать.

— Здравствуйте, — тихо сказала она, подходя ближе.

Мужчина вздрогнул, будто забыл, что он не один, и медленно повернул голову.

— А, девочка. Не стой тут. Тут грязно. И небезопасно.

— Вы раньше рисовали фрески, — сказала Сакура, не отводя взгляда. — Большие. Про небо, про птиц, про то, как солнце встаёт над городом. Я видела фотографии в интернете.

Он замер. Кисть повисла в воздухе, серая капля сорвалась вниз и упала на асфальт, расплывшись маленьким пятном.

— Кто тебе рассказал?

— Никто. Я просто... увидела. И поняла, что вы перестали рисовать то, что хочется.

Художник горько усмехнулся:

— То, что хочется, не заказывают. А мне нужно есть. И платить за квартиру. Поэтому я закрашиваю. Это тоже работа.

Сакура покачала головой:

— Но ваша мечта — рисовать небо так, чтобы люди снова поднимали головы. Вы сами об этом говорили в интервью.

В его глазах мелькнуло что-то — то ли раздражение, то ли боль.

— Мечты не платят по счетам, — пробормотал он. — И потом... никто не смотрит вверх. Зачем рисовать для тех, кто не видит?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.